

Экспедиционные материалы Института этнографии Академии наук СССР как источник по изучению социокультурной ситуации в Эвенкийском автономном округе в начале 1980-х гг.

М.Д. Северьянов^{1а}, В.А. Кудашкин^{1б}

¹ ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», пр. Свободный, 82а, г. Красноярск, Россия

² Братский государственный университет, ул. Макаренко, 40, Братск, Россия

^а severyanov-vanya@mail.ru, ^б kudashkinslava@rambler.ru

^а <https://orcid.org/0000-0002-1502-4510>

Статья поступила 02.06.2025, принята 26.09.2025

Статья посвящена анализу экспедиционных материалов Института этнографии АН СССР 1982 года, исследующих социокультурную ситуацию в Эвенкийском автономном округе накануне перестройки. На основе полевых данных раскрываются системные противоречия между декларируемыми целями советской национальной политики и их реализацией на местах. Особое внимание уделяется кризису культурно-просветительной работы: неэффективности клубов, библиотек и ансамблей, кадровому дефициту, материально-технической необеспеченности. Экспедиция зафиксировала парадокс формально развитой сети учреждений культуры, которые на практике либо бездействовали, либо работали неудовлетворительно. Например, в посёлке Суринда новый клуб после юбилейных мероприятий 10 дней оставался закрытым из-за отсутствия истопника, а в Эконде «клуб» представлял собой аварийное помещение с печкой-бочкой. Выявлены проблемы кадровой политики: специалисты страдали от алкоголизма (худрук Б. Эмидак в Суринде), а местная интеллигенция не привлекалась к работе. Материалы также документируют бытовые трудности: перебои с электричеством (2–3 часа в сутки), дефицит продуктов (отсутствие овощей, некачественное сухое молоко), нехватку промышленной одежды и товаров первой необходимости (иголки, скрепки, строительные материалы). Эти факты свидетельствуют о глубоком разрыве между идеологическими установками и реальным положением коренного населения. Уникальность источника – в его критическом характере, редком для официальных отчётов позднесоветского периода. Статья доказывает ценность экспедиционных данных для изучения «истории снизу» и реконструкции повседневных практик эвенков в условиях плановой экономики.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы; Эвенкийский автономный округ; экспедиции Института этнографии АН СССР; предперестроечный период СССР.

Expeditionary materials of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences as a source for studying the sociocultural situation in the Evenki Autonomous District in the early 1980s

M.D. Severyanov^{1а}, V.A. Kudashkin^{2б}

¹ Siberian Federal University; 82a, Svobodny Per., Krasnoyarsk, Russia

² Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia

^а severyanov-vanya@mail.ru, ^б kudashkinslava@rambler.ru

^а <https://orcid.org/0000-0002-1502-4510>

Received 02.06.2025, accepted 26.09.2025

The article analyzes the 1982 expedition materials of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences, which examined the sociocultural situation in the Evenki Autonomous District on the eve of perestroika. Field data reveal systemic contradictions between the declared goals of Soviet national policies and their implementation at the local level. Special attention is paid to the crisis in cultural and educational work: non-functioning clubs and libraries, staff shortages, and inadequate material support. The expedition documented a paradox: while the region had a formal network of cultural institutions, many were ineffective. For instance, in the village of Surinda, a newly built club remained closed for 10 days due to the lack of a stoker, while in Ekonda, the "club" was a dilapidated room with a makeshift stove. Personnel issues were rampant, with specialists often struggling with alcoholism (e.g., Art Director B. Emidak in Surinda), and local intellectuals were rarely involved in cultural activities. The materials also highlight living hardships: intermittent electricity (2–3 hours daily), food shortages (no fresh vegetables, poor-quality powdered milk), and a lack of essential goods (hunting tools, construction materials). These findings expose the gap between ideological promises and the reality faced by indigenous communities. The uniqueness of this source lies in its critical perspective, uncommon for official reports of the late Soviet era. The article underscores the value of expedition records for studying "history from below" and reconstructing the everyday life of the Evenki under a planned economy.

Keywords: indigenous peoples; Evenki Autonomous District; USSR Academy of Sciences expeditions; late Soviet period; cultural policies; national minorities

Введение. Преодолевая труднодоступность территорий проживания коренных малочисленных народов Севера и ограниченность прежних теоретических и методологических схем этнографического исследования, ранние экспедиции АН СССР совершили настоящий прорыв. Они не просто собрали уникальные данные, но и разработали, апробировали в полевых условиях новую методологию исторического исследования. Этот комплексный подход, сочетавший исторический анализ с этнографическими, антропологическими и лингвистическими методами, открыл ранее недоступные горизонты познания [1], [2], [3]. Он стал ключом к решению нескольких фундаментальных научных проблем, касающихся происхождения, расселения, социальной эволюции и уникальных культурных практик коренных малочисленных народов, тем самым заложив объективную основу для понимания их исторического места и современного состояния.

Экспедиционные материалы Института этнографии АН СССР представляют собой ценный исторический источник, освещающий социокультурную ситуацию у коренных малочисленных народов Севера в позднесоветский период. С применением современной методологической базы в исторической науке исследования института позволяет реконструировать комплекс проблем, с которыми сталкивалось автохтонное население Сибири в условиях плановой экономики и административно-командной системы управления [3].

Представленные материалы обладают значительной научной ценностью по нескольким причинам. Во-первых, они документируют кризисные явления в культурно-просветительной работе с коренным населением накануне перестройки. Во-вторых, выявленные проблемы кадрового обеспечения, материально-технической базы учреждений культуры и бытового обслуживания демонстрируют системные недостатки советской национальной политики в отдалённых регионах. В-третьих, собранные данные позволяют проанализировать трансформацию традиционного уклада жизни эвенков под влиянием урбанизационных процессов [5].

Цель исследования. Целью данной статьи является комплексный анализ экспедиционных материалов Института этнографии АН СССР 1982 года как ценного исторического источника для изучения социокультурной ситуации в Эвенкийском автономном округе в начале 1980-х годов. В работе ставится задача выявить и проанализировать системные противоречия между декларируемыми целями советской национальной политики и их практической реализацией на местах, что нашло отражение в кризисных явлениях культурно-просветительной работы, трансформации традиционного уклада жизни эвенков и проблемах бытового обеспечения. Особое внимание уделяется доказательству уникальности этих материалов как источника «истории снизу», содержащего редкую для официальных отчётов критическую оценку реального положения дел в национальных округах накануне перестройки.

В данном исследовании автор приводит ряд доказательств, которые представляют публикации Института

этнографии АН СССР как важный исторический источник. Так, например, в середине 2000-х гг. публикации из цикла «Этнологическая экспертиза» [5] стали открытием засекреченных материалов. Представленные в данной публикации экспедиции в Эвенкийский автономный округ в 1982 г. составляют особую ценность как редкий пример критического этнографического исследования позднесоветского периода. В отличие от официальных отчётов, эти документы содержат непредвзятую фиксацию повседневных реалий жизни эвенков, что делает их уникальным источником для изучения «истории снизу».

Особый интерес представляют зафиксированные авторами дисфункции системы культурного обслуживания (неработающие клубы, формальное выполнение идеологических задач, проблемы кадрового обеспечения), которые демонстрируют разрыв между декларируемыми целями советской национальной политики и их реализацией на местах. Не менее важны детальные описания бытовых условий (снабжение, жильё, инфраструктура), позволяющие реконструировать материальную культуру эвенкийских посёлков в период экономической стагнации [6]. Ценность источника повышает его комплексный характер – сочетание статистических данных, полевых наблюдений и интервью с местными жителями и представителями власти. Эти материалы особенно значимы для современных исследований, так как представляют «моментальный снимок» жизни коренного малочисленного населения накануне масштабных социально-экономических преобразований перестроечного периода.

Особую актуальность исследование приобретает в контексте современных дискуссий о советском наследии в области культурного строительства среди малочисленных народов Севера. Материалы экспедиции в Эвенкийский автономный округ 1982 года вводят в научный оборот важные свидетельства о повседневных практиках преодоления системных противоречий между декларируемыми целями культурной политики и реальными условиями жизни в национальных округах.

Экспедиционная группа Института этнографии АН СССР в составе младшего научного сотрудника, кандидата исторических наук М.Я. Жорницкой (руководитель группы) и кинооператора В.В. Иванова работала с 19 сентября по 19 октября 1982 года в Эвенкийском автономном округе Красноярского края. В задачи группы входил сбор материалов в рамках темы «Сравнительное изучение народного хореографического искусства коренного населения Сибири». Кроме того, во время экспедиции фиксировались данные о бытовых условиях жизни эвенков и современном состоянии культурно-просветительной работы среди местного населения [5].

Проведённая экспедиция работала в особых исторических условиях начала 1980-х годов, когда на фоне стагнации экономики обострились проблемы снабжения отдалённых территорий. Исследование зафиксировало парадоксальную ситуацию: при формальном наличии развитой сети культурно-просветительных

учреждений их реальная работа часто оказывалась неэффективной.

Собранные материалы позволяют проследить, как макроэкономические процессы (трудности планового снабжения, кадровый дефицит) отражались на микроуровне повседневной жизни эвенкийских посёлков. Особое значение имеют свидетельства о дисфункциях системы культурного обслуживания, которые не только снижали качество жизни населения, но и способствовали утрате традиционных форм культуры при отсутствии полноценных современных альтернатив.

Данная работа продолжает традиции советской этнографической школы, но при этом содержит редкую для официальных отчётов того времени критическую оценку реального положения дел, что делает её особенно ценным источником для историков позднего СССР.

Экспедиция охватила Байkitский и Илимпейский районы, включая поселки Тура (окружной центр), Байkit (районный центр), Суринда, Эконда и Чиринда. Эти населённые пункты были выбраны не случайно, так как в них проживало преимущественно коренное население – эвенки. Наблюдения на местах, информация от советских и партийных органов, местных жителей, а также знакомство с работой клубов, библиотек, школ, фельдшерских пунктов и агиткультбригад (АКБ) показали, что деятельность некоторых культурных учреждений в этих районах оставалась неудовлетворительной и требовала улучшения [5].

Ярким примером сложившейся ситуации стал посёлок Суринда Байkitского района, где к 50-летию местного совхоза – одного из самых крепких хозяйств Эвенкии – открыли новый типовой клуб. Похозяйственные списки свидетельствовали, что в совхозе работал многочисленный и молодой коллектив охотников и оленеводов. Из 490 жителей посёлка 56 были коммунистами, а 77 – комсомольцами. Среди них выделялись передовики производства: охотник-оленовод Л.И. Грабкин, делегат XXVI съезда КПСС, и В.М. Гаюльский, участник XIX съезда ВЛКСМ [11]. Казалось бы, в таком посёлке культурно-просветительная работа должна была соответствовать трудовым достижениям.

Однако после завершения юбилейных торжеств и отъезда участников окружного слёта охотников и оленеводов культурная жизнь в Суринде замерла. В течение 10 дней пребывания экспедиции клуб и библиотека оставались закрытыми. Директор клуба объяснила это отсутствием истопника (по её словам, кочегары злоупотребляли алкоголем и могли заморозить здание), нерегулярными поставками новых фильмов и отпуском библиотекаря. Хотя исполняющая обязанности заведующей клубом готова была выдавать книги, общая картина культурного обслуживания в посёлке оставляла крайне негативное впечатление.

Положение с культурно-просветительной работой в посёлке Эконда Илимпейского района оказалось ещё более плачевным. Хотя окружные власти планировали построить новый клуб в 1983 году, на момент экспедиции местный «клуб» представлял собой заброшенное однокомнатное помещение с печкой-бочкой, которое приходилось топить целый день перед мероприятиями [7]. Здание находилось в аварийном состоянии: двери не закрывались, повсюду были щели, что делало отоп-

ление практически бесполезным. При этом сельсовет и руководство совхоза бездействовали, ограничиваясь планами о будущем новом здании, вместо того чтобы улучшить существующие условия [5].

Несмотря на отсутствие нормального клуба, в Эконде числились два штатных работника культуры: директор клуба Е.А. Валабуева (по совместительству – воспитательница интерната) и её муж, художественный руководитель. Валабуева имела солидный опыт, включая работу в краевом и окружном отделах культуры, но её потенциал явно не соответствовал реальным возможностям полуразрушенного «клуба» [7]. В беседе она призналась, что мечтает работать на острове Диксон, что лишь подчёркивало абсурдность её назначения в Эконду, где не было ни нормального помещения, ни регулярного поступления фильмов. Возникал закономерный вопрос: за что этим сотрудникам регулярно выплачивалась зарплата, если их работа фактически не приносила пользы местным жителям?

Вызывало тревогу антисанитарное состояние начальной школы в посёлке Эконда. Не лучше обстояли дела и в культпросветучреждениях посёлка Чиринда. Хотя там имелся вполне пригодный для работы старый сельский клуб, а все штатные должности (директор, художественный руководитель и истопник) были заняты, клуб оставался закрытым. Причина крылась в профессиональной непригодности сотрудников: художественный руководитель С. Осогосток, несмотря на среднее специальное образование, за пять лет не организовал ни одного мероприятия, продолжая при этом исправно получать зарплату. Такое положение дел свидетельствовало о серьёзных пробелах в идеологической работе с населением, что, вероятно, отчасти способствовало распространению пьянства. В Чиринде три человека погибли, утонув в озере в состоянии опьянения, а в Эконде из-за пьяной беспечности сгорело здание бывшего интерната вместе с имуществом школы-интерната [5].

Несмотря на частые заявления о нехватке квалифицированных кадров, ситуация усугублялась тем, что имеющиеся специалисты страдали от алкоголизма. Ярким примером стал случай в посёлке Суринда, где художественный руководитель клуба Б. Эмидак, имевший высшее специальное образование, был уволен за пьянство. Однако его перевели на должность учителя пения в местную школу, где он продолжал появляться на работе в нетрезвом виде [5]. Эти факты указывали на системные проблемы в кадровой политике и организации культурно-просветительной работы, что в конечном итоге негативно сказывалось на жизни коренного населения.

Заведующая Окружным научно-методическим центром А.И. Комбагир отмечала, что главной проблемой культпросветучреждений являлся острый дефицит кадров со средним специальным образованием, особенно в музыкальной и хореографической сферах. Приглашение специалистов из других регионов было невозможно из-за отсутствия жилья. Первый секретарь окрукома КПСС Н.Г. Рукосуев на пленуме также подчеркивал нехватку квалифицированных работников и необходимость подготовки местных кадров [5]. Однако для этого требовалась системная разъяснительная работа среди населения. Ярким примером неудач стала исто-

рия с группой детей, отобранных для обучения в Красноярском хореографическом училище, но по разным причинам вернувшихся обратно. Это особенно осложняло положение ансамбля «Осиктакан», который остро нуждался в профессиональных исполнителях [8].

Деятельность ансамбля «Осиктакан» сталкивалась с серьёзными организационными трудностями. В его составе работали учителя, фельдшеры и студенты техникума, что создавало проблемы при организации гастролей: освободить этих людей от основных обязанностей было крайне сложно. Художественному руководителю постоянно приходилось решать вопросы замены участников. Несмотря на высокий творческий потенциал, который позволял ансамблю претендовать на статус Государственного коллектива, проблема закрепления кадров оставалась нерешённой [8]. Этот вопрос даже обсуждался на XI пленуме окружкома КПСС, однако реальных мер для изменения ситуации так и не было принято.

При анализе работы культурно-просветительных учреждений обращало на себя внимание отсутствие привлечения местной интеллигенции к клубной деятельности. Особенно остро ощущался недостаток лекций и бесед на эвенкийском языке, что было принципиально важным для старшего поколения. Сложившаяся ситуация свидетельствовала о неспособности окружных и районных организаций наладить эффективную работу учреждений культуры [9]. Требовалось срочное рассмотрение этого вопроса на специальном уровне, поскольку текущее положение дел не отвечало потребностям коренного населения.

Бытовые условия эвенков также оставляли желать лучшего. Хронические перебои с электроснабжением, вызванные аварийным состоянием дизельных электростанций и несвоевременными поставками солярки, приводили к тому, что электричество подавалось лишь на 2–3 часа в сутки. Это делало телевизоры, имевшиеся во многих домах, бесполезными. Серьёзные проблемы наблюдались и в снабжении продуктами: хотя пищевые привычки населения изменились, свежие овощи (капуста, лук) в 1982 году не завозились вообще, отсутствовало детское питание, а имевшееся сухое молоко в посёлке Суринда оказалось некачественным. Даже картофель, завезённый в недостаточном количестве, стал практически недоступным для большинства жителей [5].

Положение с питанием и бытовым обеспечением в Эвенкийском округе вызывало серьёзную озабоченность. В детских садах детей кормили преимущественно сушёной картошкой и тушёнкой, при этом свежее молоко выдавали лишь раз в день. Национальная одежда

да среди эвенков практически исчезла, уступив место городскому стилю, хотя охотники и оленеводы получали промысловую одежду через совхозы [12]. Население постоянно жаловалось на неправильный подбор размеров завозимой одежды — вместо необходимых 44–48 размеров в магазины поступали вещи 50–52 размеров [5]. Особенно остро ощущался дефицит осенней обуви, детских трикотажных костюмов, чайной посуды, бисера нужных расцветок и материалов для традиционных промыслов.

Ситуация с товарами первой необходимости оставалась критической. В школах-интернатах не хватало элементарных вещей вроде чашек, а в магазинах отсутствовали базовые товары: тонкое сукно для национальной одежды, иголки № 0–1, скребки для выделки кожи. Не лучше обстояли дела со строительными материалами — синька, негашёная известь и малярные кисти не завозились годами, что затрудняло ремонт жилья. Проблемы с мебельным обеспечением усугубляли и без того сложную бытовую обстановку. Все эти системные недостатки были зафиксированы экспедицией и 17 октября 1982 года доложены второму секретарю окружкома партии В.М. Уварову в присутствии представителей окрисполкома и научно-методического центра.

Заключение. Таким образом, материалы экспедиции Института этнографии АН СССР 1982 года приобретают особую значимость для современной исторической науки как уникальный источник по изучению позднесоветского периода. Они позволяют реконструировать не только официальную политику в отношении коренных народов Севера, но и её реальное воплощение на местах, демонстрируя глубокий разрыв между декларируемыми целями и практикой культурного строительства. Особую ценность представляют зафиксированные свидетельства системных проблем: от кадрового кризиса и материально-технического обеспечения до трансформации традиционного уклада жизни эвенков под влиянием урбанизационных процессов.

В условиях ограниченности источников по истории повседневности национальных окраин СССР подобные экспедиционные отчёты становятся важнейшим ресурсом для исследователей. Они не только документируют кризисные явления предперестроечного периода, но и позволяют проследить механизмы функционирования советской системы в отдалённых регионах. Введение в научный оборот таких материалов существенно обогащает наше понимание сложных процессов взаимодействия государства и коренных народов в позднесоветскую эпоху, что делает их изучение особенно актуальным для современной историографии.

Литература

1. Уварова Т.Б. Концептуальные и методологические инновации в этнолого-антропологическом знании начала XXI в. Аналитический обзор. РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. Истории ; Отв. ред. Большакова О.В. — М., 2017. — 96 с. — (Сер.: Теория и методология исторической науки).
2. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. — М., 1996. — 416 с.
3. Кудашкин В.А. К вопросу применения современной методологии в изучении коренных малочисленных народов Иркутской области // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — № 3 (49). — 2022. — С. 115–117.
4. Головнёв А.В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. — 2018. — № 1. — С. 6–39.
5. Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. — М.: ИЭА РАН, 2006. — 319 с.
6. Гурвич И.С. Северная экспедиция Института этнографии АН СССР (исследование вопросов материальной и духов

ной культуры) // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики: Сб. науч. тр. М., 1990. – С. 198–204.

7. Жорницкая М.Я. Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири. – М. : Наука, 1983.
8. Народы Советского Севера (1960–1980-е гг.) / Отв. ред. И.С. Гурвич, З.П. Соколова. – М. : Наука, 1991.
9. Соколова З.П. Социально-экономическое развитие народов Севера и межнациональные отношения. 1988 г. // ЭЭ. – 1985–1994 гг. – М., 2007. – С. 169–177.
10. Комарова Г.А. Опыт интеграции: междисциплинарное взаимодействие этнографии и этносоциологии (1960–80-е гг.). – М. : ИЭА РАН, 2012. – 207 с.
11. Этноты Сибири. Прошлое, настоящее, будущее: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 100-летию со дня рожд. Б.О. Долгих, 70-летию Красноярского края и междунар. десятилетию коренных народов мира. – Красноярск, Россия, 11–13 нояб. 2004. – Красноярск, 2004.
12. Советская Эвенкия 31 августа 1982 г. – №. 108–109.
13. Кудашкин В.А. Трансформация жизненных стратегий у эвенков Средней Сибири (1950–2007 гг.) / В сборнике: Кочевые цивилизации народов Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы. материалы III Международной научно-практической конференции. Отв. ред. Дроздов ; Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. – 2012. – С. 122–127.

References

1. Uvarova T.B. Conceptual and methodological innovations in ethnological and anthropological knowledge of the early 21st century. Analytical review. RAN. INION. The Center of social science-inform. Research Department History ; Ed. Bolshakova O.V.– Moscow, 2017– 96 p. (Ser.: Theory and Methodology of Historical Science).
2. Shtompka, P. The Sociology of social Change / P. Shtompka, Moscow, 1996 – 416 p.
3. Kudashkin V.A. On the issue of applying modern methodology in the study of indigenous small-numbered peoples of the

Irkutsk region // Problems of socio-economic development of Siberia. – № 3 (49). – 2022. – Pp. 115–117.

4. Golovnev A.V. Ethnography in the Russian academic tradition // Ethnography. - 2018. – No. 1. – Pp. 6–39.
5. Ethnological expertise: The peoples of the North of Russia. 1981–1984 years / Edited by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow : IEA RAS, 2006. – 319 p.
6. Gurvich I.S. The Northern expedition of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences (research of issues of material and spiritual culture) // Problems of studying the historical and cultural environment of the Arctic: Collection of scientific papers, Moscow, 1990– Pp. 198–204.
7. Zhornitskaya M.Ya. Folk choreographic art of the indigenous population of Northeastern Siberia. – Moscow: Nauka Publ., 1983.
8. The peoples of the Soviet North (1960–1980s) / Ed. by I.S. Gurvich, Z.P. Sokolova. – М. : Nauka, 1991.
9. Sokolova Z.P. Socio-economic development of the peoples of the North and interethnic relations. 1988 // ЭЭ. – 1985–1994. – М., 2007. – Pp. 169–177.
10. Komarova G.A. Experience of integration: interdisciplinary interaction of ethnography and ethnosociology (1960s–80s). Moscow : IEA RAS, 2012. – 207 p.
11. Ethnic groups of Siberia. Past, present, future: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of B.O. Dolgikh, the 70th anniversary of the Krasnoyarsk Territory and the International the Decade of the World's Indigenous Peoples. – Krasnoyarsk, Russia, November 11–13, 2004. – Krasnoyarsk, 2004.
12. Soviet Evenkia on August 31, 1982 – No. 108–109.
13. Kudashkin V.A. Transformation of life strategies among the Evenks of Central Siberia (1950–2007) / In the collection: Nomadic civilizations of the peoples of Central and Northern Asia: history, status, problems. materials of the III International Scientific and Practical Conference. Ed. Drozdov ; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev. – 2012. – Pp. 122–127.